

Т.А. Исаченко

Российская государственная библиотека, Москва

**«Александрия» Чудова монастыря под № 51/353, сер. XV в.
Особенности перевода и языка**

Аннотация: Популярная средневековая повесть об Александре Великом стала для русских читателей основным источником сведений о македонском царе, покорившем Восток, дошедшем до края земли и заглянувшем в потусторонний мир. Перевод относят к группе древнерусских переводов, появившихся на Руси достаточно рано (XII в.). В пределах настоящей статьи рассматриваются эпизоды повествования, которые наглядно демонстрируют, с какими трудностями перевода сталкивались переводчики и переписчики текста на разных этапах его освоения: на этапе первоначального осмысления текста (XII в.); при вторичном его освоении (XV–XVI вв.); наконец, на этапе современного перевода. Перевод Ал. выполнен в кирилло-мефодиевских традициях. Основным филологическим показателем здесь является соответствие смысла и выражения, понятность и простота, тяга с этимологизации, использование иноязычных вкраплений для обозначения терминологически привившейся лексики.

Popular medieval tale about Alexander the Great were the main source of knowledge about the macedonian tsar for Russians. The article is devoted to some problems of Slavonic translations of the tale.

Ключевые слова: трудности перевода, смысл и выражение, понятность и простота, этимологизация, иноязычные вкрапления, терминосистема

Образ Александра Великого исключительно важен для русской истории. Средневековая повесть о легендарном полководце стала для русских читателей, пожалуй, основным источником сведений о македонском царе Александре, покорившем Восток, дошедшем до края земли и заглянувшем в потусторонний мир. Цель этого похода – подчинение себе могущественного Вавилона и окрестных земель, народы которых, по мнению, высказанного от имени Александра славянским переводчиком, столь нечестивы, что, в случае завоевания ими Святой земли, они осквернят ее святыни. Эта тема стала доминантой произведения. В отдельных списках памятника называется еще одна цель, стоявшая перед Александром – желание обрести бессмертие. Рассказ о победах Александра содержится в форме пророчеств в библейской книге пророка Даниила (VIII, 20–21), а в «Александрию», в свою очередь, включен сюжет о гробницах трех отроков, плененных когда-то Навуходоносором и погребенных близ Вавилона, в который вошел Александр. Таким замысловатым образом сюжет перекликается с книгой пророка Даниила. На русской почве сюжет развивается так, что Александр является покоренным народам провозвестником будущего христианства, а идея бессмертия, которого добивается он, постепенно соединяется с идеей бессмертия души. Из Поучений Кирилла Александрийского известно, что три отрока, о которых повествует книга пророка Даниила, не отступили от веры отцов и встретили мученическую смерть, казненные мечом царя Аттика. Сокрытые до пришествия Христа, они после Его Распятия, были воскрешены в числе первых 500 праведников. Так,

через заимствование сюжета, идея бессмертия соединилась в «Александрии» с идеей воскресения.

Современные исследователи, вслед за А.И. Соболевским, относят «Александрию» (далее: Ал. – *Т.И.*) к группе древнерусских переводов. Перевод Ал. появился на Руси достаточно рано (XII в.), причем в полемике с В.М. Истриным акад. А.И. Соболевский даже привел аргументы в пользу того, что славянский текст (так называемой, Сербской Ал.) разъясняет некоторые места сохранившихся греческих списков и, следовательно, влияние греческого текста на славянский следует рассматривать с учетом предшествующего обратного влияния славянского на греческий [Соболевский, 1905, с. 140–145].

Текст Ал., включенный в Летописец Еллинский и Римский, позже вошел в Лицевой летописный свод (ЛЛС) как памятник хронографии. О.В.Творогов уточнил А.А. Шахматова и В.М. Истрина относительно времени появления 2-ой редакции ЕЛ – до 1435 г. и доказал использование в ЛЛС текста так называемого русского хронографа редакции 1512 г. [Творогов, 1975; 1989, с. 18–20]. Таким образом, в 1568–1576 гг. хронографическая Ал. была включена в состав второго тома ЛЛС (БАН, 17.17.9)¹. В.М. Истрин опубликовал древнерусский текст Александрии по четырем славянским спискам, в том числе списку Чудова монастыря № 51/353, сер.XV в., который исследовался в нашей работе [Истрин, 1893].

* * *

Перевод хронографической Александрии примыкает к группе так называемых «энциклопедических» переводов², созданных в стенах митрополичьего скриптория XVI в. Своей популярностью в читательской среде эти тексты опровергают тезис Я.С. Лурье о правлении вел. кн. Василия Ивановича III как о «времени жесткой унификации русской культуры» [Лурье, 1960, с. 144–145]. Движение истории во всех рассматриваемых текстах осуществляется по одному и тому же кругу – из некоего мирового центра через Вавилон и Персию, державу Александра Македонского, Египет, Римскую империю и Византию на Русь.

В связи с новой волной интереса к Летописному Своду, вызванной подготовкой его современного факсимильного издания [Александрия, 2008], актуальность приобретает вопрос комментированного перевода Александрии, который в указанной (хронографической редакции) ранее не был осуществлен. Проблема такого перевода, в свою очередь, связана с обсуждением проблем переводческой практики и выработанных ранее критериев, анализом близкого круга текстов, историко-культурного контекста эпохи.

В пределах настоящей статьи рассматривается несколько эпизодов повествования, которые наглядно демонстрируют, как на разных этапах освоения текста переводчики сталкивались с определенными трудностями перевода: на этапе первоначального осмысления текста (согласно Истрину-Соболевскому, это произошло в XII в.); при вторичном его освоении (процесс включения текста в состав русского Хронографа и, далее, в состав ЛЛС; XV–XVI вв.); наконец, на этапе со-

---

¹ Александрия 2-й редакции, по В.М. Истрину, легла в основание текста второго тома ЛЛС, так называемого, Хронографического сборника БАН, лл. 587–797об. Том подготовлен к изданию [Александрия, 2008].

² К энциклопедическим рассматриваемые труды XVI в. отнесены нами, исходя из значения греч. *enclusios*, ‘круговой, совокупный, систематический’. Эпоха XVI в. характеризуется появлением энциклопедических сводов: Сводная Кормчая – свод важнейших церковных правил и гражданских законов, Лицевой летописный свод – самый значительный иллюстрированный хронограф средневековой Руси, Степенная книга царского родословия – важнейший идеологический памятник эпохи и Великие Четии Миней – крупнейший нравоучительный четий свод этого времени.

в) к подобного рода ошибкам можно отнести *врата адовы* – предмет полемики Соболевского с Истриным.

III этап переводческой деятельности характеризуют трудности современного перевода, с которыми автор данной статьи столкнулся в процессе подготовки комментированного перевода Ал. в современном издании Летописного Свода. Примерами служат выражения ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ , ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ и ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ .

ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ . Перевод выражения связан с попыткой толкования астрологических знаков, изображенных на скрижалях царя Нектанавы, увлекавшегося астрономией и некромантией. Ал. открывается словами, которые ставят ее содержание в общую связь с текстами русского хронографа: «По Дарьи же [царе] Арсумуянине царьствова Александр Макидонский лет 12» (т.е. «Александр Македонский царствовал двенадцать лет после ассирийского царя Дария арсумуянина»). За этим следует родословная и сведения о родителях, в связи с чем появляется образ царя Нектанавы-египтянина: «Мудрецы египетские, писавшие о Нектанаве, свидетельствовали, что тот отказался от чести царской, предпочтя ей звание кудесника». «И прославился Нектанав во всей Македонии своими пророчествами и умением гадать по звездам и стал известен всем живущим в стране той своим волшебством. Также и царица Олимпиада, слышавшая о нем, пришла к нему ночью – Филипп, муж ее, ушел тогда на войну – и, узнав от него то, что она хотела..., сказала: “Ты ли тот египетский учитель, которого испытали все и нашли в словах его подтверждение? Также и я хочу испытать тебя, действительна ли твоя хитрость, тогда поверю тебе”».

Нектанав отвечает Олимпиаде: ««Многомятежно есть ремество мор, о царице. Суть часници стражеве, раздрешители знаменемъ, податели съномъ ... рожденю влѣхвоуе ...И вложив рѣку за пазѣху свою и выѣ дщицю, еяже слово указати не можетъ: златомъ тканымъ и слономъ обложена, имеющи звездъ седмъ и часъный стражъ, солнце и лѣну...»».

Объяснение смысла магических знаков на дощечках египетского царя вызывает определенную трудность. Выражение ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ , дважды употребленное в этом описании (один раз во множественном числе – часници стражеве), не зафиксировано историческими словарями. В тексте проясняется смысл этого выражения, выражению ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ дается парное слово ⲱⲟⲩⲣⲟⲤⲟⲔⲓ , в значении ‘небесные часы’: «И вложив руку за пазуху свою и выѣ дщицю, еяже слово указати не может: златом тканым и слоном обложена, имеющи звезд седмъ и часъный стражъ, солнце и луну. Солнце же убо бяше хрустально, а луна адамантина, другой нарицаемый и Zeus въздушный, другой же Крон змеев, Афродити та же самъфирова, Арии же аматит, Ерьмиа же изъмарахтин, ороскоп же лугедин».

ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ первой редакции Ал. видоизменен во второй редакции, где в данном месте читается ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ , из чего следует, что др.-слав. ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ эквивалентно др.-слав. ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ . Согласно диалектным данным, выражение *пояс на небе* означает ‘млечный путь’ [Даль, 1882, т. 3, с. 376]; ср. у Иосифа Флавия: ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ ⲛⲉⲃⲉⲛⲏⲩ [Даль, 1882, т. 3, с. 376]. Из чего следует допустить, на дощечках Нектанавы присутствовало изображение млечного пути или зодиакального круга. Такие изображения действительно встречаются в русских средневековых рукописях.

Необъясненным при этом остается смысл, кроющийся в слове ⲟⲩⲛⲓⲥⲓ . В интересующем нас контексте слово историческими словарями не прокомментировано. Диалектный материал позволяет восстановить у слова *страж* (в уменьшительной его форме *стражик*, *сторожик*) редкое значение ‘*стрелки весов*’: «Яко же стражик в перевесах, тако весь мир пред Тобою. *Соломон*» [Даль, 1882, т. 4, с. 334]. Отсюда ясно, что сказанное Нектанавом дословно означает: «Многотрудно знание мое, о, царица». Здесь и **небесные пояса** (вариант: *стрелки небесных часов* или *весов*), и предсказания, и приметы, и толкования снов, предвещающие рождение: «И, вложив руку за пазуху, он вынул дощечку, которую невозможно

В тексте присутствует около 150 грецизмов, большая часть которых хорошо адаптирована переводчиком и употребляется, главным образом, терминологически: кидарь (греч. κιδάριφ), *царское украшение первосвященников, головное покрывало* (л. 630), вусь (греч. βυσσοφ), *тонкая льняная ткань* (в ЛЛС нередко в форме: *от вуса съскано*; л. 630 об.), подирь (греч. ποδιρρηφ), акинф (греч. ακίνθοφ), *яхонт*. Поэтому, когда в тексте встречаются малознакомые непереуведенные выражения, такие как **палица евелова** (л. 587) – статусная принадлежность кудесника Нектанава, или **панкратья** и **мантомаха** для обозначения видов единоборств, то гипотетически можно предположить терминологичность этих понятий. И то и другое выражение в момент создания перевода могли быть хорошо известны на Руси (греч. πλεβδον βελινζν, *палица из черного эбенового дерева, которое не поддается гниению*; μαντομζχοφ, *борьба с ремнями*).

Следует указать ряд заимствований из латинского, немецкого, польского языков, которые в Ал. немногочисленны и отмечены в Словаре русского языка XI–XVII вв. ранними фиксациями:

1. яко шелковицы *шиду*, л. 702 (т.е. как тонкопряжи прядут шелковую нить), *шида* происходит от др.-верх.-нем. Side, лат. sēta, *шелк*);

2. дал ей за *вено* Рим, л. 625 (т.е. царь же Вуз взял ее за себя, и в качестве выкупа за невесту отдал Рим), *вено* происходит от лат. venum, *приданое, выкуп за невесту*);

3. акы с храбрыми некыми и с *сведоки* ратем, нь акы с простыми и с страшливыми женами, л. 654 об. (т.е. я же готовлюсь к сражению с вами не как с храбрцами некими, прославившимися ратными подвигами, но как простыми и пугливыми бабами), *сведоки* происходит от др.-рус. съвѣдѣти, пол. swiadek, с XVI в.

Изучение переводных литератур и переводческих школ русского средневековья имеет солидную традицию. Опыт, накопленный палеославистикой в этой области, отличается вниманием к культурным связям России и Византии. Отмеченные наблюдения позволяют перейти к философскому обоснованию бытовавшей в XV–XVI веках переводческой практики, к описанию расхождений в использовании переводческих приемов. Комментированный перевод на современный русский язык хронографической Александрии (Александрии 2-й редакции по В.М. Истрину), легшей в основание текста второго тома ЛЛС и читающейся в рукописи Чудова монастыря № 51/345, послужил основой для наших наблюдений и соответствующих выводов.

Литература

Александрия Хронографическая второй редакции Псевдо-Каллисфена (Жизнеописание Александра Македонского // Лицевой летописный свод. Хронографический сборник. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи из фондов Отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук. (Лл. 587 – 797 об. Комментированный перевод Т.А. Исаченко). М., 2008.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. СПб. М., 1880–1882. Т. I–IV.

Истрин В.М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

Лурье Я.М. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI вв. М., 1960.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1990. Т. III.

Соболевский А.И. К истории заимствованных слов в переводных повестях // Известия Отделения русского языка и литературы Имп. Академии наук. СПб., 1905. Т. X. Кн. 2.

Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Творогов О.В. Летописец Еллинский и Римский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вт. пол. XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. Л–Я.